

МРНТИ78.19.01

<https://doi.org/10.63051/kos.2024.3.329>

¹Ужкенов Е.М. ²Смагулов Б.К.

^{1,2} Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан,
Email: ¹e81g.76@mail.ru, ²bolat.smagulov.76@list.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМАТА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ У ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена изучению изменения формата ведения оборонительной войны у тюркских кочевников степной зоны Евразии. Анализируются методы и подходы к ведению такого рода боевых действий в условиях изменения внешнеполитической обстановки и военно-технического превосходства европейских держав в Новое время. При этом многовековое военное господство кочевников на обширных степных просторах Евразии, а в ряде случаев и за их пределами, создание ими полиэтнических государств (тюркские каганаты, Золотая орда, Государство сельджуков, Казахское ханство и др.), игравших значительную геополитическую роль в контексте взаимодействия стран Центральной и Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Малой Азии и Восточной Европы, помимо других факторов основывалось также и на их военной мощи. Цель статьи – изучить изменения содержания стратегии ведения оборонительной войны у тюркских кочевников периода средневековья и Нового времени. В статье использованы методы факторного, текстологического, а также диахронного анализа, позволяющие выявить основные элементы ведения такого рода военных действий. Изложенный в статье материал позволил авторам сделать вывод о существовании у тюркских кочевников многовековой стратегии ведения оборонительной войны, предусматривающей использование всех видов оружия, контратаки и глубокие рейды во внутренние территории врага, использовании маневра по заманиванию врага в засады и др.

Благодарность: Данная статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта ИРН BR 21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика».

Ключевые слова: тюркские кочевники, тюркские каганаты, государство сельджуков, Казахское ханство, военное дело у кочевников, оборонительная война, стратегия ведения войны, военные рейды, вооружение кочевников.

Введение

Образование мощных военно-политических объединений тюркских кочевников, в особенности в период средневековья, создало принципиально новую военно-политическую обстановку на всем Евразийском континенте. Тюркские каганаты, государства тюргешей, кыпчаков, огузов и другие государственные образования стали долговременным фактором во внешней политике стран Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем военно-техническое усиление европейских держав привели к постепенному переходу кочевников к использованию оборонительной стратегии ведения войны, причем не в отдельных случаях, а как постоянного фактора их жизни. Дело в том, что к концу XVIII в. все территории тюркских кочевников степной зоны Евразии так или иначе оказались в составе империй (Цинской или Российской). Поэтому использование ими обороны как стратегии ведения военных действий стало для них насущной необходимостью, тем более, что кочевники не смирились с новой политической реальностью и предпринимали попытки организации

восстаний с целью освобождения от иностранного господства. Так, один из российских авторов второй половины XIX в. констатировать, что «киргизы (казахи. – *авт.*) – не мирные буряты забайкальские, не безответные остяки, тунгусы, самоеды, даже и не скромные гольды амурские. Их воинственный дух еще не угас, притом они мусульмане, из спиной у них священная Бухара, пронырливые Хива и Коканд, а там... и Англия» (Завалишин, 1867: 3–40). Иными словами, хотя вопрос изменения военной стратегии тюркских кочевников является актуальной проблемой, он не получил полного освещения в современной исторической и востоковедческой литературе.

Материалы и методы исследования

При написании данной статьи нами были использованы главным образом публикации различных авторов, в которых прямо или косвенно рассматриваются аспекты, связанные с оборонительной стратегией тюркских кочевников (ведение военных действий, рейды, отступление и др.). В процессе сбора материала и его интерпретации нами был использован, прежде всего, *метод факторного анализа*, предполагающий выделение групп факторов (военно-политические, географические, идеологические и др.), которые оказывают влияние на определенные исторические процессы и явления, в том числе и на стратегию и тактику ведения кочевниками военных действий оборонительного характера. Это позволяет выявить их ход и особенности с учетом указанных выше факторов. Во-вторых, речь идет о *текстологическом анализе*, при котором изучались работы (путевые записки, книги и др.) авторов, которые были написаны либо непосредственно участниками и современниками происходивших событий, либо по прошествии определенного времени. Это дает возможность выявить, например, идеологическую позицию авторов по тем или иным вопросам, а также их оценку эффективности ведения тюркскими кочевниками военных действий, в том числе и оборонительного характера. Кроме того, в статье использован также и *метод диахронного анализа*, предусматривающий изучение изменений в позициях различных авторов и представителей официальных кругов империи, а также их причины в определенный период времени.

Обсуждение

В настоящее время в публикациях казахских и зарубежных исследователей (А.Ш. Кадырбаев, М.К. Абусейтова, Е. Кабульдинов, Л.А. Бобров, В.М. Запорожец, А.О. Пронин, А.К. Кушкумбаев и др.) прямо и косвенно затрагиваются отдельные аспекты предлагаемой нами темы. В рамках предлагаемой нами теме ключевой работой является работа А.Ш. Кадырбаева (Кадырбаев, 1998), в которой автор попытался собрать воедино и проанализировать все известные сведения о военной истории кочевников. В исследовании М.К. Абусейтовой анализируются политические аспекты истории Казахского ханства в XVI в., упоминаются военные действия казахских ханов против Тимуридов, Шайбанидов и Чагатаидов за обладание городами по Сырдарье. Однако изучение оборонительной стратегии здесь целью не ставилось, что частично может быть объяснено и состоянием источниковой базы по истории Казахского ханства, о чем упоминает и сама М.К. Абусейтова (Абусейтова, 1985: 14). Правда, в монографии имеется небольшой (1,5 стр.) раздел, посвященный русским архивным источникам по социально-политическому положению Казахского ханства. Тем не менее и в данном случае приведенные сведения лишь косвенно затрагивают отдельные аспекты нашей темы (Абусейтова, 1985: 31–32). В изданной недавно монографии З.Е. Кабульдинова «Абылай хан и Россия» (Кабульдинов, 2023) анализируются политические аспекты взаимоотношений между Казахским ханством и Цинской империей во второй половине XVIII в., в том числе и военные столкновения между их вооруженными формированиями. При этом, исходя из поставленных задач, автор ограничивается анализом

непосредственных результатов и политических последствий военных действий между двумя государствами, оставляя фактически в стороне саму стратегию ведения казахами оборонительной войны. В частности, З.Е. Кабульдинов кратко упоминает о «глубоких рейдах» казахских отрядов в тыл цинских войск на территории Джунгарии весной 1756 года, а также о «неожиданных нападениях и изматывании противника» со стороны казахов в ходе вторжения армий Цинской империи на территорию Казахского ханства (Кабульдинов, 2023: 35).

Краткие сведения касательно нашей темы на примере военной деятельности известного казахского батыра Райымбека приводятся также в работе З.Г. Сактагановой: казахские воины держат оборону на месте, в то время как часть войска из числа воинов, владеющих языком противника, переодевается в неприятельскую одежду, пробирается в тыл врага и начинает сражение, внося смятение в его боевые порядки. А между тем в схватку вступают основные силы казахов (Сактаганова, 2019: 485). Более полно излагаются методы ведения кочевниками оборонительной войны в совместной статье А. Мамырхана и А.Б. Егинбая. В частности, анализируя военные действия степняков эпохи Золотой орды, авторы указывают на широкое использование кочевниками таких методов, как заманивание неприятельской армии на открытую местность, а затем ее разгром атаками с флангов, а также т.н. «ложного бегства», то есть заманивания врага в засаду. По мнению А. Мамырхана и А.Б. Егинбая, указанные методы имели сильное сходство со способами ведения облавной охоты (Мамырханб Егинбай, 2023: 78). Среди работ казахских историков особняком стоит труд известного специалиста по военной истории А.К. Кушкумбаева (Кушукумбаев, 2021), где отражены основные аспекты военной истории с учетом всех доступных источников. Отдельные аспекты нашей темы анализируются также в трудах современных российских исследователей. Так, в статье С.В. Голунова рассматривается история создания российских военных линий по Иртышу и Жайыку в XVIII в. Не останавливаясь подробно на стратегии и тактике осуществления казахами-кочевниками вооруженных нападений на эти укрепления, автор фактически признает их направленность на противодействие российской военно-территориальной экспансии, отмечая, что «создание укрепленных линий не означала лишь оборонительный характер политики Российской империи по отношению к южным соседям-кочевникам... система линий использовалась как плацдарм для дальнейшего наступления на казахскую степь» (Голунов, 2005: 73). В работе Л.А. Боброва и А.О. Пронина рассматривается распространение с XVIII в. среди казахов, особенно среди знати, клинкового оружия (сабель) (Бобров, Пронин, 2012: 224).

Таким образом, подводя итог историографическому обзору, следует отметить два обстоятельства. Во-первых, хотя в работах историков, как казахских, так и зарубежных, рассматриваются военные аспекты истории тюркских кочевников, в них основной упор делается на характеристике и анализе личного вооружения воинов. Во-вторых, если в работах исследователей затрагиваются отдельные стороны нашей темы, то они анализируются в них в большей мере в аспекте «военные действия – непосредственный результат», а не «военные действия – процесс», то есть сама стратегия и тактика войны практически не получила сколько-нибудь значительного освещения.

Результаты исследования

Военное дело кочевников, как и у всех народов мира, знает только два вида действия: наступление и оборона. Как правило, только в рамках этих двух видов есть возможность действовать и реагировать на действия противника. Учитывая, что именно оборонительная стратегия кочевников как раз редко становится в центр внимания, следует сосредоточиться на ней. Хронологический разброс, от позднего средневековья и колониального периода нашей истории, вполне объясним, так как в принципе методы и тактика тюркских

кочевников, например, казахов, радикально изменились вместе с основным противником. Если на ранних этапах нашей истории противниками выступали сугубо кочевые соседи, то с приходом линейных войск империи ситуация кардинально изменилась, что хорошо прослеживается по историческим сведениям. Следовательно, при анализе данной проблемы мы должны сосредоточиться на общих сведениях, то есть территории и внешней угрозе в любой исторический период, а также на конкретных условиях, специфике конкретных исторических реалий. Противником у кочевников, как правило, были другие кочевники, что одновременно осложняло и упрощало набор действий и реакций, так как какие-то приемы усваивались гораздо быстрее, а следовательно, трудно было сохранить фактор внезапности. В частности, у древних тюрков применялась тактика проведения неожиданных атак, в частности, ее использовал Мугань-хан в 554–555 гг. при ведении боевых действий против одного из племен в районе озера Кукунор (Ганиев, 2017: 194). У тюрков-сельджуков отмечалось проведение предварительных разведывательных действий перед ведением основных военных действий. В частности, такую тактику применял в 1214 г. сельджукский правитель Иззедин Кейкавус I при ведении военных действий против Трабзона (Запорожец, 2014: 255). Еще ранее сельджуками же в войне против Газневидов в пустыне в районе Мерва в 1040 г. применялась тактика отравления колодцев и кавалерийской атаки на растянутые коммуникации противника (Запорожец, 2012: 50). При этом важнейшей частью военной стратегии тюркских кочевников являлось поддержание строгой дисциплины, а также использование уловок и маневров (Агаев, 2015: 14). В XIII в. у тюркских и монгольских кочевников отмечалось использование такой военной тактики, как ведение боя т.н. «хороводом» конных лучников», при которой воины непосредственно в ближний бой не вступают, а огибают войско врага и поражают его стрелами, при условии, что вражеское войско находится на расстоянии полета стрелы (Бобров, 2016: 74). В послемонгольское время в военной тактике тюркских кочевников отмечено неоднократное использование приема поджога степи, что было проделано, например, казахами в битве с джунгарами при Аныракае в 17(29)30 году, чтобы скрыть от врага передвижение, маневры и численность своих войск.

На раннем этапе нашей истории противниками Казахского ханства выступали ногайцы на западе и бывшие кочевые сородичи на юге, подданными Шейбанидов. Запад страны стал местом не только бесконечных сражений и битв, где противники являлись одновременно близкими родственниками, ставшими чуть позже составной частью казахского этноса. Первые конфликты казахов с ногайцами относятся к 1519 году, где на казахов ссылались как на прямую угрозу ногаям, что указывает на их продвижение на запад (История Казахстана..., 2017: 58). Именно к этому периоду относятся данные, где правитель Астраханского ханства помог ногаям не допустить казахов на европейский берег Волги. Таким образом, контроль над переправами и бродами являлся частью стратегии кочевников, что помогало в весенне-осенний период, то есть время активной фазы кочевой войны. Это сообщение должно нас ориентировать и на тот факт, что в качестве меры защиты своих владений кочевники могли прибегать и к мирным инициативам, как сложившийся на период вторжения казахов во владения ногаев, временный союз с Астраханью.

Следующим примером оборонительной стратегии кочевников, является их отказ от кочевок на время зимовки, что указывает на экстраординарность такого решения. По сути, оставаться на прежних землях, где растительный покров уже был значительно сокращен, для кочевников было одной из самых вынужденных мер, где угроза голода была значительной. В случаях же когда кочевникам приходилось оставаться на прежних местах, это могло быть вызвано как потерей своих привычных летовок и зимовок, так и нуждой следить за передвижениями противника, с целью его раннего обнаружения. Так, уже в 1530-е гг., русские послы неоднократно на протяжении всего десятилетия сообщали, что «некоторые

ногайские мурзы были вынуждены в противостоянии казахам все зимнее время находиться на Эмбе» (Ужкенов, Смагулов, 2024). Удивительно, но казахи довольно часто использовали самый тяжелый период в жизни кочевников, зимний период, как удобное время для нападения. Ногайские мурзы безусловно хорошо знали, а может и сами использовали эту уловку своих противников. Тем не менее, ситуация на западном направлении для казахов осложнилась, когда была захвачена Астрахань русскими войсками. Позднее, именно стрельцы из Астрахани помогли отбить новое нашествие казахов на ногаев. Появление же огненного боя, хоть и не стало абсолютной новостью для кочевников, но все-таки именно в середине XVI века наметился перелом, когда кочевники стали во многом уступать оседлым народам с европейским оружием. Если Ногайская Орда после падения Астрахани все больше начинала оказываться под влиянием русского правительства, то Казахское ханство уже перестало восприниматься как однозначный противник и начинается новый этап мирных переговоров. Сосредоточение на южных пределах фокуса внимания казахских правителей привело к изменению этнополитического ландшафта Северного и Западного Казахстана в связи с приходом новой группы кочевников – калмыков. Сами калмыки были хорошо знакомы с регионом и еще ханы Таукель и Есим признавались их правителями, однако их приход в степи Западного Казахстана совпал с общим ослаблением власти казахских ханов и ногайский беков в этом регионе. В 1622 году калмыки разбили ногайцев в битве возле бывшей столицы Ногайской Орды – городе Сарайчике. Разграбленный уральскими казаками в 1580 году город, по-видимому, продолжал жить, хотя никогда уже не смог восстановить свое прежнее величие, но сохранив свое сакральное значение. Разгром ногаев окончательно заставил их уйти дальше на запад, хотя определенная часть осталась на прежних местах, и со временем став частью родоплеменных групп казахского Младшего жуза.

Ухудшающаяся обстановка во внешней политике, заставила казахов прибегать к более решительным действиям на юге, где, по всей видимости, наметились более плотные союзнические отношения с правителями среднеазиатских государств. Так, именно Жалантос батыр, правитель Самарканда пришел на помощь хану Жангиру, во время битвы на Ордубулаке в 1643 году. Можно считать, что расчет на оборонительный союз со среднеазиатскими правителями был верным и, хотя не совсем оправдал его надежд, но опираясь на этот союз казахские правители так или иначе удержали за собой Присырдарьинский регион.

Приход более мощных и современных противников, джунгар и русских линейных войск застал дальнейшую децентрализацию некогда единого политического государства. Смена противника, когда единая военная система казахов оказалось неспособной к изменениям привело к поиску новой тактики, что естественно отразилось на эффективности ведения боя. Первые поражения, хоть и приводили к катастрофе и потере значительной части земель, но все-таки давали необходимый опыт, впоследствии и приведший к разгрому Джунгарского государства.

Наиболее сложным стало противостояние против европейской державы, когда прежние навыки уже не давали привычного перевеса. Наиболее полную картину этого дают походы Абулхаир хана против башкир, волжских калмыков и джунгар, где несмотря на относительный перевес, казахи вынужденные сражаться по разным фронтам не смогли где либо обеспечить военный успех, что вынудило прославленного хана Младшего жуза постараться решать вопрос комплексно, в том числе и путем дипломатических переговоров. Уже в 1723 году казахи разграбили улусы тайши Лекбея численностью больше 2 тыс человек. Его удар, впрочем, был следствием одного из принципов ведения оборонительной войны, столь привычным для казахов. Главной целью был захват скота, в том числе и лошадей с целью обездвигнуть, лишить противника мобильности. Вся динамика войны показывает напряженность тех военных успехов и неудач, преследовавших каждого из

противников. Надо отметить, что отношения между казаками Младшего жуза и кочевыми подданными Российской империи редкий год были мирными. Еще в 1709 году казахи ограбили казачий обоз, шедший в Сызрань. Помимо мелких стычек имевших место быть в 1711 и 1713 гг., когда были разгромлены казачьи обозы, имели место и настоящие крупные сражения, как например осада Яицкого городка в 1718 году 20-тысячным казахским войском. Неумение брать штурмом привело снятию осады через месяц, однако уже в июле 1719 года снова 20-тысяч казахов во главе с Абулхаир-ханом снова осадили Яицкий городок и почти добились победы. Опытные воины, уральские казаки не заставили себя долго ждать и уже в 1721 году казаки атаман Балмашнова организовали поход на казахский Урал, где захватили много пленных. Вновь казахи использовали зимнее время и уже в январе 1722 года казахи организовали ответный удар, разгромив зимнюю станцию по реке Шагын где по сведениям источников захватили 70 казаков. Кроме того, было организовано нападение на лошадей, принадлежавших казакам, и используя сразу два приема: нападение в зимний период и увод лошадей казахи обездвижили казаков и те не смогли организовать преследование. К тому же пожар уничтожил весь хлебный запас, начался голод, казаки пережили очень трудную и суровую зиму в землянках. По этой причине яицкие казаки не приняли участие в Персидском походе Петра I в 1722 г.

В целом, несмотря на отдельные успехи, казахи не смогли переломить общий фон войны, но изнулив противника смогли добиться почетного мира, что и стало предтечей победы на Анрыкае уже в 1729–1730 гг., где были разбиты основные войска джунгар. Победа стала возможной при напряжении основных сил правителей Казахской степи и их единство, которое, к сожалению, стало временным. Тем временем, победа над джунгарами стало последней полевой битвой, где кочевники столкнулись в открытом бою. Уже далее начинается череда маневров и упор был сделан на организации многочисленных рейдов и набегов. Это изменение общей динамики боя было вызвано строительством укрепленных крепостей и подходом линейных войск. Лишенные привычного пространства для маневров, казахи сделали ставку на опустошении территории противника, вынудив его отказаться от военных экспедиций вглубь Степи. Если Сибирская линия была довольно слабой и даже своих жителей не смогла обеспечить продовольствием, то Оренбургская линия, насыщенная войсками и имевшая в своем подчинении иррегулярные войска в виде башкир и уральских казаков, владевших всеми приемами степной войны, была грозным противником. Сочетание крепостных укреплений и мобильных частей стало во многом удачным, и этот метод применялся Российской империей и позднее. Важным подспорьем для использования этой практики стали научные труды русских исследователей и путешественников. Все они, как правило, изучали помимо хозяйства и культуры и военные аспекты казахского общества.

Военная стратегия кочевников претерпела определенные изменения с XVIII в., когда начался активный процесс российской экспансии на территории степной зоны Евразии. И в данном случае у кочевников наиболее рельефно проявилась новая военная стратегия, предполагавшая переход к активной обороне. Она получила отражение в трудах русских авторов этого периода. Так, в известной работе П. Рычкова мы имеем дело с упоминанием ведения военных действий со стороны кочевников, в том числе казахов. В частности, повествуя о башкирском восстании 1676 года во главе со «старшиной Сеитом», автор отмечает, что «он (Сеит. – *авт.*) не токмо на ту противность всю Башкирию преклонил, но и с киргиз-кайсаками (казахами. – *авт.*) соединясь, года с три то свое бунтовщицье намерение продолжал и все Закамские пригороды с большей частью Казанского уезда разорил» (Рычков, 1762: 88). В данном случае обращает на себя внимание не столько помощь казахов башкирам в выступлении против царской власти, сколько применение кочевниками

стратегии глубокого рейда вглубь российской территории¹⁶. Характерную для оборонительной военной стратегии кочевников высокую мобильность и способность преодолевать значительные пространства отмечал позднее и С.Б. Броневский: «Я был очевидцем, как один солтан, по виду богатырь, в коем весу было по крайней мере около восьми пуд, с несколькими киргизцами (казахами. – *авт.*), имея каждый двух лошадей (что в Сибири называется быть одвуконь) перебежали в одни сутки триста верст, частью через горы и по каменистому грунту; они не чувствовали никакой усталости, жаловались только, что не спали... примеры такие бесчисленны, если представить себе быстрые наезды за барантою и бегство от преследования...» (Броневский, 1830: 174).

В изданном в 1786 году труде П.С. Палласа (Паллас, 1786) приведены краткие сведения относительно военной стратегии и тактики казахов при нападении на возведенные Российской империи военные укрепления. Так, описывая атаки «киргизской (казахской. – *авт.*) разбойничьей шайки» на одну из крепостей на границе Казахской степи, П.С. Паллас отмечает, что перед нападением на нее около тысячи казахов собрались и до определенного момента скрывались «в окрестных сосновых борах», а затем выбрав удобный момент, совершили свою атаку, в результате чего «некоторые [были] и убиты...», а «гарнизон, лишась своих лошадей, не мог преследовать ушедших хищников» (Паллас, 1786: 308). В вышедшем в 1799 году фундаментальном издании И.Г. Георги (Георги, 1799) дается более подробная характеристика военной стратегии у казахов, то есть в случае какого-либо военного вторжения извне «собираются все к ратованию способные люди в определенное место... с двумя или больше лошадьми и вооружены. Толпы сии соединяются и вступают в поход под предводительством избранных военачальников» (Георги, 1799: 124–125). При этом особо подчеркивается мобильность казахского войска и его постоянная готовность к ведению войны, поскольку «войско их не имеет надобности ни в казне, ни в житницах...» и «когда воинственное странствование им наскучит, то они сами собою мало помалу возвращаются на прежние свои места» (Георги, 1799: 125). Здесь же отмечается использование казахами огнестрельного оружия: «...палят они (казахи. – *авт.*) из них еще и ныне по старинному обыкновению, поджигая порох фитилем» (Георги, 1799: 125).

В первой половине XIX в. военная оборонительная стратегия и тактика кочевников нашли свое отражение в труде таких российских государственных деятелей, как упоминавшийся выше С.Б. Броневский и А.И. Левшин и др. (Броневский, 1830; Левшин, 1832; Военно-статистическое..., 1848). При этом следует отметить, что в записках первого автора имеются лишь краткие упоминания касательно данного вопроса. В частности, повествуя о борьбе казахов против джунгар, С.Б. Броневский отмечает следующее: «...киргизцы (казахи. – *авт.*) Большой орды помогали китайцам, а Средней сами собою нападали на зюнгорцов и весьма много содействовали изгнанию их из мест ими занимаемых...» (Броневский, 1830: 412). С.Б. Броневский обращается к оборонительной стратегии кочевников при экспансии Российской империи в степные пространства Казахского ханства, причем российская сторона выступает у него в качестве «потерпевшей» стороны: «...начальники Сибирской линии... старались о безопасном укреплении границы, содержа на ней исправное войско», а обороняющиеся же представлены как некая наступательно-агрессивная сила: «набеги дикарей и увоз в плен людей, которых они или продавали в Бухарию, или томили у себя в жестокой неволе...» (Броневский, 1830: 80). Характеризуя общими словами вооружение казахов (фитильные ружья, сабли, луки со стрелами, айбалта – топоры с длинными рукоятями, кольчуги со шлемами, наручники, с конца обожженные и заостренные палки, плети), автор отмечает следующее: «...они по

¹⁶ Примерное расстояние от среднего течения реки Урал до Казани составляет по прямой около 600 км. – *авт.*

примеру других народов возят с собой знамена (ту) или значки. Вступают в дело перестрелкой с неприступных мест метанием стрел и, наконец, стремительным нападением толпой с кригом «ги...» (Броневский, 1830: 175–176). Особое внимание С.Б. Броневский уделяет некоторым слабым сторонам военной стратегии кочевников, отмечая, что «в нападении иногда бывают отважны и при малейшем успехе наглы до неограниченности, но увидев своих убитых товарищей удобно обращаются в бегство...», особенно в тех случаях, когда, например, казаки «в стычках с ними всегда стараются меткими выстрелами останавливать стремление и потом самым стройным фронтом идут в атаку» (Броневский, 1830: 175–176). Что касается А.И. Левшина, то в исторической части своего труда он описывает события XVIII в., когда в условиях, по его словам, «притворной покорности» казахов Джунгарскому ханству внутри этого государства начались распри. И вот здесь автор обращается к стратегии ведения казахами оборонительной войны, заключавшейся в том, чтобы «предложить всем изгнанным князьям зюнгарским и зайсангам убежище у себя...», «соединиться с ними для отмщения их обид, нападать на их неприятелей и не упускать ни одного случая под видом пособия несчастным (джунгарским владетелям. – *авт.*) обессиливать набегами древних врагов своих...» (Левшин, 1832: 82–83). Описывая бегство калмыков с Нижней Волги в Цинскую империю в 1771 году, он опять уделяет внимание военной стратегии у казахов: «...узнав о приближении тургутов к его («султан Большой орды Эрали». – *авт.*) владениям и о бедствиях... султана Аблая он просит о нападении на них (калмыков. – *авт.*) с тыла; малосильным своим союзникам предписал действовать с боков, а сам с отборными ратниками вышел неприятелям навстречу. Семейство же свое, равно как и всех подвластных ему женщин, детей и стариков с драгоценнейшим имуществом отправил он в безопасные места» (Левшин, 1832: 85). Кроме того, казахами использовалась также стратегия дезинформации противника, чтобы «усыпить... и нанести ему жесточайший удар» (Левшин, 1832: 87).

Во второй половине XIX в. известный русский автор И. Завалишин в качестве демонстрации ведения казахами оборонительной войны обращается к событиям периода казахско-джунгарских войн: «Киргизы (казахи. – *авт.*) неспорно храбры и нередко в битвах с калмыками и джунгарами одерживали над ними вверх...» (Завалишин, 1867: 39). Однако при этом он же отмечает «устаревание» такой стратегии в условиях военно-технического превосходства вооруженных формирований Российской империи: «...но само собой [казахи] не умеют и не могут стоять против наших отрядов. Натиск их стремителен, они несутся в атаку с гиком, воплем, дикими восклицаниями и вдруг вся эта буря, налетев на каре, рассыпается дождем во все стороны при дружном батальонном огне линейцев при первой картечной встрече. Вооружение их состоит из длинной пики, топора с длинной же рукояткой, лука со стрелами, сабли или ятагана, изредка из ружья («турка») с фатшем» (Завалишин, 1867: 39). Это вооружение столь характерное для эпохи кочевых войн, постепенно сменяется на более дешевое, причем наиболее заметным оказывается сокращение оборонительного вооружения, что связано, конечно, с общим распространением огнестрельного оружия. Кроме того, с исчезновением привычных противников, где доспехи оказывались востребованными, приводит к упрощению как самой организации воинских соединений, где главным противником новых угроз становятся родоплеменные отряды, так и всего комплекса вооружения, что связано и с потерей привычных центров торговли, среднеазиатскими городами, сильно пострадавшими от джунгарских набегов.

В обобщающих трудах, издававшихся в период конца XIX в. и самого начала XX в. вопрос о стратегии и тактике ведения казахами оборонительной войны рассматривается хотя и кратко, но достаточно емко (Венюков, 1873; Народы России..., 1879; Балкашин, 1887; Живописная Россия..., 1885; Россия..., 1903; и др.). Так, в одном из изданий 1885 года военные действия со стороны казахов заключались в том, чтобы «разбивать караваны и

угонять стада...», а также «в нападении... на наши укрепления» (Живописная Россия..., 188: 187). В другом издании в краткой характеристике движения Кенесары опять обращается внимание на мобильность казахского войска, на что русские авторы обращали внимание и в более ранние эпохи. В частности, отмечается, что Кенесары «в течение семи лет продержался господином Киргизской степи, которую исколесили его приверженцы от Оренбурга до Каркаралов, от Петропавловска до Туркестана...» (Россия..., 1903: 145), то есть на расстояния, соответственно, до 2 тыс км с запада на восток и 1,5 тыс км с севера на юг.

Заключение

Изложенный материал позволяет заключить, что военное искусство кочевых народов, конечно же, всегда стояло на самом высоком уровне. Приспособленность кочевников совершенно к разным условиям и к разным противникам, их высокая мобильность и выносливость позволяли им выходить на стратегическое пространство и, пользуясь высокой мобильностью, нарушать пути отхода и громить тылы противника. В источниках XVIII–XIX вв. отмечаются основные элементы стратегии ведения кочевниками-казахами оборонительной войны. В частности, речь идет о ложных отступлениях и круговой обороне, а также атаке лавой и прочих атрибутах кочевого воинского искусства, которые в свою очередь дополнялись ночными атаками и поджогом степи как формы воинской хитрости. Отгон лошадей, разорение территории, охрана бродов и переправ также являлись формами оборонительной стратегии тюркских кочевников, в том числе и казахов. В ее число входило и намеренное оставление части имущества, то есть скота на отвлечение противника. Недаром в донесениях казаков довольно часто встречаются сообщения, что они не смогли догнать мятежные аулы, но отбили часть скота. Оборонительные меры кочевников хорошо работали против неподготовленного противника, где иногда его удавалось заманить в пустынные или маловодные местности. С другой стороны, как отмечается, вместе с распространением огнестрельного оружия привычные конные бои с участием тысяч воинов, начали уходить в прошлое. Неудачные битвы казахов при Ханской Ставке в период восстания Исатая и другие открытые боестолкновения показали перевес в оружии и тактике тогдашнего противника, ускорение перевооружения русской армии и массовое строительство крепостей по всей территории Казахской степи снизили возможности народных ополчений и привели к поражению ряда восстаний.

Литература:

- Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата: Наука, 1985. 104 с.
- Агаев Ю.Ш. О военном искусстве «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 3–4. Т. 1. С. 12–17.
- Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1887. 57 с.
- Бобров Л.А. Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой степи // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 73–83.
- Бобров Л.А., Пронин А.О. Российские сабли казахских батыров // *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. 2012. Т. 11. Вып. 7. Археология и этнография. С. 221–235.
- Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды // *Отечественные записки*. СПб., 1830. Ч. XLII. Кн. СХХI. Август. С. 162–194.
- Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К, 1873. 79 с.

Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского вedomства. 1848. Т. XIV. Ч. 2. 161 с.

Ганиев Р.Т. Политика первых каганов и возвышение древних тюрков в Центральной Азии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 189–201.

Георги И. Г. Описание всех в российском государстве обитающих народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1799. Ч. 2. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.

Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник ВолГУ. 2005. Сер. 4. Вып.10. С. 68–87.

Живописная Россия. Отечество наше в земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общей ред. П.П. Семенова. Т. X. Русская Средняя Азия. Санкт-Петербург, Москва: Изд. Товарищества М.О. Вольф, 1885. 452 с.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. Москва: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. 153 с.

Запорожец В.М. Образование государства Сельджуков в Хорасане // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 1. С. 45–52.

Запорожец В.М. Четвертый крестовый поход и сельджуки Малой Азии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 253–255.

Кабульдинов З.Е. Абылай хан и Россия. Алматы: Мәдияр, 2023. 296 с.

Кадырбаев А. Ш. Военная история Казахстана, Алматы, 1998. 167 с.

Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

Мамырхан А., Егинбай А.Б. Особенности военного дела номадов // Наука и реальность. 2023. № 3 (15). С. 75–80.

Сактаганова З.Г. Батыр Райымбек Албан: что нам о нем известно? // Үлкен Алтай әлемі. 2019. № 5 (4). С. 479–490.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т.V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы, 2007. 620 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя, 1832. Ч. 2. Исторические известия. 333 с.

Народы России. Киргизы. Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная польза», 1879. 58 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1786. Ч. 2. Кн. 1. 476 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. XVIII. Киргизский край. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1903. 448 с.

Рычков, П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб.: Императорская академия наук, 1762. Ч. 1. 331 с.

Ужкенов Е.М., Смагулов Б.К. От «Казачьей орды» до «Киргизской степи»: эволюция восприятия территории Казахского ханства в русской историографии (XVI – начале XX вв.) // «Edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. 2024. Т. 11. № 2. С. 492–506.

References:

Abuseitova M.Kh. (1985) *Kazakhskoye khanstvo vo vtoroy polovine XVI v.* [Kazakh Khanate in the second half of the 16th century.]. Alma-Ata: Nauka. 104 p. (in Rus.)

Agayev Yu.Sh. (2015) *O voyennom iskusstve «Kutadgu bilik» Yusufa Balasagunskogo* [Art of war on “Kutadgu Bilik” by Yusif Balasaqunlu] // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences.* № 3–4. Т. 1. P. 12–17. (in Rus.)

Balkashin N.N. (1887) *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musulmanakh* [About the Kyrgyz and in general about Muslims subject to Russia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 57 p. (in Rus.)

Bobrov L.A., Pronin A.O. (2012) *Rossyskiye sabli kazakhskikh batyrov* [Russian sabers of Kazakh batyrs] // *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya.* Т. 11. Vyp. 7. *Arkheologiya i etnografiya.* P. 221–235. (in Rus.)

Bobrov L.A. (2016) *Taktichesky priyem «khorovod» konnykh luchnikov v voyennom iskusstve kochevnikov Velikoy stepi* [Tactics «runaround» horse archers in the martial arts of the Great steppe nomads XIII–XVI centuries] // *Srednevekovye tyurko-tatarskiye gosudarstva.* № 8. P. 73–83. (in Rus.)

Bronevsky S.B. (1830) *O kirgiz-kaysakakh Sredney Ordy* [At the Kirghiz-Kaisakakh of the middle Horde] // *Otechestvennye zapiski.* SPb. Ch. XLII. Kn. CXXI. Avgust. P. 162–194. (in Rus.)

Ganiyev R.T. (2017) *Politika pervykh kaganov i vozvysheniye drevnikh tyurkov v Tsentralnoy Azii* [Politics of the first khagans and the rise of the ancients Turks in central Asia (534–572)] // *Problemy istorii, filologii, kultury.* № 1. P. 189–201. (in Rus.)

Georgi I.G. (1799) *Opisaniye vsekh v rossyskom gosudarstve obitayushchikh narodov. Ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveny, odezhd, zhilishch, uprazhneny, zabav, veroispovedany i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other monuments]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk. Ch. 2. *O narodakh tatarskogo plemeni i drugikh nereshennogo eshche proiskhozhdeniya severnykh sibirskikh.* 178 p. (in Rus.)

Golunov S.V. (2005) *Rossysko-kazakhstanskaya granitsa: istoriya formirovaniya* [Russian-Kazakh border: history of formation] // *Vestnik VolGU. Ser. 4. Vyp.10.* P. 68–87. (in Rus.)

Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov (2007) [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries. T.V. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century]. T.V. *Pervye istoriko-etnograficheskiye opisaniya kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka.* Almaty. 620 p. (in Rus.)

Kabuldinov Z.E. (2023) *Abylay khan i Rossiya* [Abylay Khan and Russia]. Almaty: Madiyar. 296 p. (in Rus.)

Kadyrbayev A.Sh. (1998) *Voyennaya istoriya Kazakhstana* [Military history of Kazakhstan]. Almaty. 167 p. (in Rus.)

Kushkumbayev A.K. (2001) *Voyennoye delo kazakhov v XVII–XVIII vekakh* [Military affairs of the Kazakhs in the 17th–18th centuries]. Almaty: Dayk-Press. 172 p. (in Rus.)

Levshin A.I. (1832) *Opisaniye kirgiz-kazachyikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of the Kyrgyz-Kazak or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Karla Krayya. Ch. 2. *Istoricheskkiye izvestiya.* 333 p. (in Rus.)

Mamyrkhan A., Yeginbay A.B. (2023) *Osobennosti voyennogo dela nomadov* [Peculiarities of military affairs of nomads] // *Nauka i realnost.* № 3 (15). P. 75–80. (in Rus.)

Narody Rossii. Kirgizy (1879) [Peoples of Russia. Kyrgyz]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya polza». 58 p. (in Rus.)

Pallas P.S. (1786) *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossyskoy imperii* [Traveling through different provinces of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. Ch. 2. Kn. 1. 476 p. (in Rus.)

Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva: nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey (1903) / Pod red. V.P. Semenova [Russia. A complete geographical description of our Fatherland: a reference and travel book for Russian people]. T. XVIII. Kirgizsky kray. Sankt-Peterburg: Izdaniye A.F. Devriyena. 448 p. (in Rus.)

Rychkov, P.I. (1762) Topografiya Orenburgskaya, to est obstoyatelnoye opisaniye Orenburgskoy gubernii [Orenburg topography, that is, a detailed description of the Orenburg province]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk. Ch. 1. 331 p. (in Rus.)

Saktaganova Z.G. (2019) Batyr Rayymbek Alban: chto nam o nem izvestno? [Batyr Raiymbek Alban: what do we know about him?] // Ylken Altay әlemi. № 5 (4). P. 479–490. (in Rus.)

Uzhkenov Ye.M., Smagulov B.K. (2024) Ot «Kazachyey ordy» do «Kirgizskoy stepi»: evolyutsiya vospriyatiya territorii Kazakhskogo khanstva v russkoy istoriografii (XVI – nachale XX vv.) [From the “Kazak Horde” to the “Kyrgyz Steppe”: the evolution of the perception of the territory of the Kazakh Khanate in Russian historiography (XVI – early XX centuries)] // «Edu.e-history.kz» elektronnyy gylymy zhurnaly. T. 11. № 2. P. 492–506. (in Rus.)

Venyukov M. (1873) Opyt voyennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military review of Russian borders in Asia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K. 79 p. (in Rus.)

Voyenno-statisticheskoye obozreniye zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeyevskoy) i Zauralskoy (Maloy) ordy Orenburgskogo vedomstva (1848) [Military-statistical review..., - Military-statistical review of the land of the Kyrgyz-Kaisaks of the Internal (Bukeyevskaya) and Trans-Ural (Small) Hordes of the Orenburg Department]. T. XIV. Ch. 2. 161 p. (in Rus.)

Zavalishin I. (1867) Opisaniye Zapadnoy Sibiri [Description of Western Siberia]. Moskva: Universitetskaya tip. (Katkov i Ko). T. 3. Sibirsko-kirgizskaya step. 153 p. (in Rus.)

Zaporozhets V.M. (2012) Obrazovaniye gosudarstva Seldzhukov v Khorasane [Formation of the Seljuk state in Khorasan] // Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly. № 1. S. 45–52. (in Rus.)

Zaporozhets V.M. (2014) Chetverty krestovy pokhod i seldzhuki Maloy Azii [The fourth Crusade and the Seljuks of Asia Minor] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. № 1. P. 253–255. (in Rus.)

Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v zemelnom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii (1885) / Pod obshchey red. P.P. Semenova [Picturesque Russia. Our Fatherland in land, historical, tribal, economic and everyday meaning]. T. Kh. Russkaya Srednyaya Aziya. Sankt-Peterburg, Moskva: Izd. Tovarishchestva M.O. Volf. 452 p. (in Rus.)

¹Ужкенов Е.М. ²Смагулов Б.Қ.

^{1,2} ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты,

Алматы, Қазақстан

Email: ¹e81g.76@mail.ru, ²bolat.smagulov.76@list.ru

ОРТА ҒАСЫРЛАР МЕН ЖАҢА ЗАМАНДАҒЫ КӨШПЕЛІ ТҮРКІЛЕРДІҢ ҚОРҒАНЫС СОҒЫСЫН ЖҮРГІЗУ ӘДІС-ТӘСІЛДЕРІНІҢ ӨЗГЕРУІ

Аңдатпа. Мақалада Еуразия кеңістігіндегі көшпелі түркілердің қорғаныс соғыс жүргізу форматының өзгеруі зерттеледі. Осындай соғыс жүргізудің әдістері мен тәсілдері Жаңа замандағы сыртқы саяси жағдайының өзгеруі және Еуропа ұлы мемлекеттерінің әскери-техникалық басымдығы жағдайында талданады. Бұл ретте көшпелілердің Еуразия ұлан-ғайыр далалық кеңістігіндегі, кей жағдайда содан тыс жерлерде ғасырлар бойы

жүргізген әскери үстемдігі, Орталық және Шығыс Азия, Таяу Шығыс және Орта Шығыс, Кіші Азия және Шығыс Еуропа елдерінің өзара қарым-қатынастарында елеулі геосаяси маңызы бар көпэтносты мемлекеттерді (Түрік қағандықтары, Алтын Орда, Сәлжүктер мемлекеті, Қазақ хандығы және т.б.) құруы басқа факторлармен қатар олардың әскери күшіне де негізделді. Мақаланың мақсаты – белгіленген кезеңде ресей тарихнамасындағы көшпелі қазақтардың қорғаныс соғысын жүргізу стратегиясының мазмұнын зерттеу. Мақалада осындай соғыс жүргізудің негізгі элементтерін айқындауға мүмкіндік беретін факторлық, текстологиялық және диахрондық талдау әдістері қолданылады. Мақалада келтірілген материал авторларға көшпелі түркілердің қарудың барлық түрлерін қолдануды, қарымта тойтарыс беру мен жаудың ішкі аумағына терең рейд жасауды, дұшпанды торуылға түсіру үшін әскери маневр ұйымдастыруды және т.б. көздейтін көп ғасырлық қорғаныс соғысын жүргізу стратегиясы бар болған деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Алғыс: Осы мақала ИРН BR 21882223 «XV ғасырдың екінші жартысы – XVIII ғасырдың бірінші жартысындағы Қазақ хандығы: этносаяси тарихы және сыртқы саясаты» ғылыми жобасын орындау аясында дайындалған.

Түйін сөздер: көшпелі түркілер, түркі қағандықтары, сәлжүктер мемлекеті, Қазақ хандығы, көшпелілерде әскери іс, қорғаныс соғысы, соғыс жүргізу стратегиясы, әскери рейдтер, көшпелілердің қару-жарағы.

¹Ujkenov E.M., ²Smagulov B.Q.

^{1,2}R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies of Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Almaty
Email: ¹e81g.76@mail.ru, ²bolat.smagulov.76@list.ru

CHANGING OF THE FORMAT OF DEFENSIVE WAR OF THE TURKIC NOMADS DURING THE MIDDLE AGES AND MODERN ERA

Abstract. The article is devoted to the study of changes in the format of conducting defensive war among the Turkic nomads of the Eurasian space. Methods and approaches to conducting this type of combat operations are analyzed in the context of changing foreign policy situations and the military-technical superiority of European powers in modern times. At the same time, the centuries-old military domination of nomads in the vast steppe expanses of Eurasia, and in some cases beyond their borders, their creation of multi-ethnic states (Turkic Khaganates, Golden Horde, Seljuk State, Kazakh Khanate, etc.), which played a significant geopolitical role in the context of interaction between countries Central and Eastern Asia, the Near and Middle East, Asia Minor and Eastern Europe, among other factors, were also based on their military power. The purpose of the article is to study changes in the content of the strategy of conducting a defensive war among the Turkic nomads of the Middle Ages and modern times. The article uses methods of factorial, textual, and diachronic analysis, which allow us to identify the main elements of conducting such military operations. The material presented in the article allowed the authors to conclude that the Turkic nomads had a centuries-old strategy for waging a defensive war, which included the use of all types of weapons, counterattacks and deep raids into the internal territories of the enemy, the use of maneuvers to lure the enemy into ambushes, etc.

Acknowledgement: The reported study article is part of project «ИРН BR 21882223 «Kazakh Khanate in the second half of the 15th – first half of the 18th centuries: ethnopolitical history and foreign policy».

Keywords: Turkic nomads, Turkic khaganates, Seljuk state, Kazakh Khanate, nomad warfare, defensive war, war strategy, military raids, nomadic weapons.

Информация об авторах:

Ужкенов Ернар Муратович, кандидат исторических наук, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Смағұлов Болат Құдайбергенович, кандидат исторических наук, PhD (История), Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет:

Ужкенов Ернар Мұратұлы, тарих ғылымдарының кандидаты, PhD (Тарих), ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Смағұлов Болат Құдайбергенұлы, тарих ғылымдарының кандидаты, PhD (Тарих), ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about authors:

Ujkenov Ernar Muratuly, Candidate of Historical Sciences, R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies of Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.

Smağūlov Bolat Qudaibergenuly, Candidate of Historical Sciences, PhD (History), R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies of Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.